

В романе этом все сплошная выдумка. Место действия, время, события, даты. Герои, персонажи, их характеры и привычки — плод фантазии автора, а потому совпадения имен и фамилий с ныне живущими людьми случайны.

Однако как бы я ни старался поразить читателя своим воображением, идея этого гениального в своей бесчеловечности преступления по праву принадлежит не мне, а Андрею Гилевичу, умертвившему себя ядом в момент его первого допроса сыщиками Московской сыскной полиции в 1909 году.

Пролог

Каждый раз, когда Невидов поднимал с прилавка в супермаркете пачку соли с названием «Илецкая», он смотрел по сторонам, наблюдая за теми, кто совершает ту же покупку. Что за чувства бродят в них, что испытывают они, перекладывая в сетку этот дешевый, но такой нужный в жизни товар. И всякий раз убеждался — ничего. Эти люди покупают соль, потому что жить без нее не могут. Вот и вся теория приобретения.

У каждой профессии свои психозы. Была своя и у Невидова. Каждый раз, когда перед ним открывалась альтернатива выбора, «Илецкую» соль он обходил стороной и даже старался не смотреть на нее. А все потому, что он знал за верное, где она добывается и чем пропи-

тана. Не в химическом смысле, понятно, в духовном. Город Соль-Илецк Оренбургской области. ИК-6, колония для отбывания наказания осужденных к пожизненному лишению свободы, или, как их там называют, — ПЛС.

«Черный дельфин». Замкнутый круг. Там оказываются все, кто очертил свою жизнь, замкнул кривую, сделав однажды выбор.

В начале 2004 года Невидов побывал там. Кто-то в его Петрогорске стал резать людей. В подъездах резал ножом горло, снимал золото, крал сумки. Повторялось это с периодичностью и пунктуальностью, достойными лучшего применения, и Андрей, отмахнувшись от советов знающих толк в оперативной работе людей, советовавших посетить Центр судебной психиатрии имени Сербского, совершил полярный по смыслу поступок. Он направился не туда, где расшифровывают тайные мысли закодированных природой людей, а в лабораторию шифровки.

В «Дельфине» уже год находился его старый знакомый, осужденный и не расстрелянный только лишь благодаря мораторию на смертную казнь Сусеков. Взят он был Невидовым из семьи в мае 1997-го — примерный семьянин кушал из тарелки сваренный женой суп, а свободной рукой кормил пюре годовалого сынишку. Изумлению жены не было тогда предела. А Сусеков просто встал, оглушенно скомкал полотенце, сказал: «Простите, хорошие мои, если сможете», и вышел вслед за Невидовым в окружении пятерки сотрудников из «Вымпела». Этим была поставлена точка в деле о дюжине убийств девочек в возрасте от восьми до одиннадцати лет в городе Петрогорске.

Невидов вошел в комнату для допросов, сел и вынул из кармана сигареты. Ждать пришлось недолго. Через несколько минут раздались гортанные команды и тяжелое дыхание. В комнату ввели Сусекова. Он вошел,

как было принято: согнувшись пополам, устремив к потолку заведенные за спину руки в наручниках. Пальцы его были расставлены веером, он переводил дух, силясь прийти в себя после пробежки под палками конвоиров.

— Осужденный номер триста двадцать один! — кричал он во все горло, выпучив глаза и оскалив зубы.

Тише нельзя. Найдя громкость звука недостаточной, конвой может избить. Здесь это обычное явление. Упаси господи схоронить после обеда краюху хлеба или попытаться написать на стене... Здесь нет ни хороших докторов, ни добротных лекарств.

Его втокнули в зарешеченную камеру, и Сусеков тотчас просунул руки в щель клетки. Дверь захлопнулась, наручники были сняты. Пробил час демократии.

Невидов кивнул, и конвой их оставил.

Минуту или две они смотрели друг на друга, не отрывая взгляда.

— Ну, здравствуй, Сусеков.

— И тебе крепкого здоровья, Невидов.

Приблизившись к клетке, подполковник сунул в щель пачку сигарет и коробок спичек. Жадно источив взглядом непечатую пачку «Мальборо», ПЛС стал судорожными движениями срывать с нее целлофан.

— Да ты не суетесь, — тихо проговорил Невидов. — успеешь выкурить ее всю.

Подумав и убедившись в том, что сладострастие от первой затяжки хороших сигарет его оставило, подполковник вынул из кармана конверт и положил туда же, в щель.

Схватив письмо обеими руками, Сусеков прижал его к лицу и замер. Все движения его были точны, как у белки, и экономны, как у человека, привыкшего расходовать с умом каждую калорию.

— Это от жены. Прочитай, и я сожгу. И на этом свой долг по оплате своего договора я буду считать выполненным.

— Какого договора? — Маньяк Сусеков затравленно посмотрел на того, благодаря которому был перевезен под Оренбург для того, чтобы состариться и умереть.

— А ты думал, я приехал сюда, чтобы поработать за почтальона? Ты получил письмо, накуришься вдоволь и расскажешь мне все, что я захочу. Если, несмотря на все мои старания, искры меж нами все-таки не проскочит, я попрошу начальника оперчасти «Дельфина» заморозить твою корреспонденцию на год.

— Ты не сможешь этого сделать, — почти просто-на-простонал Сусеков.

Невидов подошел к стене, в которой на уровне потолка виднелось зарешеченное оконце, и посмотрел на заключенного.

— Когда-то я тоже не мог взять в толк, как человек может резать и насиловать детей. Я не верил до последнего момента. Не верил, когда меня раз за разом подводили к очередному трупу. Мне все время казалось, что это делали разные люди, и непременно — в результате трагической случайности. Но все оказалось просто. Добрый папа двоих детей, благополучный инженер НИИ Атома, верный супруг каждый месяц выходил на улицу с ножом в портфеле, чтобы найти крошечную детку, завести ее в подвал, там выпотрошить, как рыбку, а после над этим невинным созданием еще и надругаться... И ты говоришь, что я не смогу совершить такой бесчеловечный поступок, как заморозить в твой адрес корреспонденцию? Я маньяк. И мы должны понимать друг друга.

Сусеков, скомкав конверт, склонился над стальным столом. Взгляд его желтых волчьих глаз стал шарить по груди подполковника.

— Я ненавижу тебя, Невидов...

— Это твое право. Единственное, пожалуй, которое у тебя осталось.

Дойдя до стола, подполковник вмял сигарету в жестяную банку, служащую пепельницей.

— Я расскажу тебе одну историю, заключенный. И ты объяснишь мне ее.

— Ты думаешь, что это возможно? — едва слышно, сгорая от желания перегрызть прутья и убить того, кто повинен в невозможности видеть солнце, прошептал Сусеков.

— Да, я думаю. Ты полжизни отдашь за то, чтобы я сидел здесь и разговаривал с тобой. Ты будешь вдыхать запах моей кожаной куртки и чувствовать волю. Этот запах даст тебе возможность надеяться на то, что через двадцать пять лет ты получишь право написать прошение о помиловании и окажешься на свежем воздухе. — Невидов говорил, словно вколачивал в гроб Сусекова гвозди. — Я точно знаю, что помилования не будет, и ты это знаешь, но этот запах... Запах моей куртки сводит тебя с ума и теплит надежду. И после моего ухода ты еще долго будешь его помнить. За право поговорить хоть с кем-то, хотя бы со своим палачом, ты отдашь все, что имеешь, — Библию и икону. Я знаю все твои молитвы, заключенный, а потому ответь мне всего на один вопрос: может ли быть такое, чтобы человек твоего склада ума и ненависти к людям резал лица каждые три месяца, не останавливаясь?

— Ты не поймешь, Невидов... Ты борзая. Приведи ко мне волка, и он поймет.

— Тебе придется довольствоваться легавым.

— Ты останешься здесь до тех пор, пока я докурю пачку?

— Я обещал. Может ли быть такое, чтобы я обещал, но не выполнил?

— Расскажи мне свою историю, — затягиваясь приятно щекочущим обоняние дымом, попросил Сусеков...

Он еще четырежды прикурил и четыре раза тушил докуренные до самого фильтра сигареты. Когда стало ясно, что повествованию пришел конец, он посмотрел

на свои руки, поднял на подполковника лицо и улыбнулся улыбкой, от которой Невидову стало не по себе.

Голос Сусекова захрипел в тишине кабинета, как игла старого граммофона:

— Двадцать тысяч лет для человечества оказались ничемным сроком. Сто тысяч лет назад первый, кто заявил о себе, как о человекоподобном существе, научился убивать, чтобы выжить. Шкура убитого медведя становилась ему накидкой, чтобы он мог переждать холодную ночь, мясо шло в пищу, кости — на предметы труда. Себе подобного первый из людей впервые убил, когда тот покусился на его мясо, шкуру, кости или самку. Привычка убивать, чтобы выжить и продолжить род, — основная физиологическая черта одного из первых человекоподобных существ...

Двадцать тысяч лет назад человек, поняв, что находится в обществе себе подобных, перестал убивать их, сообразив, что сможет выжить лишь при тесном сплочении всех индивидуумов. Двадцать тысяч лет назад человек впервые придумал правила, по которым следовало жить, чтобы быть достойным того общества, в котором он работал, воевал, растил потомство.

Последующие тысячелетия человек только совершенствовал эти правила, ставя перед прошлыми животными инстинктами и неуправляемыми рефлекторными позывами стену законопослушания и собственное сознание. Теперь просто так убить соплеменника было невозможно, ибо только обоснованное объяснение могло спасти убийцу от ответственности перед обществом. Эра хладнокровных убийств, замешенных на простом желании устранить неудобного, казалось, ушла в прошлое...

Время наступившее можно по праву называть часом появления на свет понятия «порок».

Что такое порок по своей сути? Это предосудительный недостаток, позорящий свойство. Порок — это все-

гда плохо, но не всегда преступление. Более того, модные пороки, по убеждению господина де Мольера, сходят за добродетели. Когда человек безадресно бранится в обществе, заставляя краснеть окружающих, — это порок, но не преступление. Когда же он поднимает помыслы свои и руку на подобного себе, он превращается в порочное, агрессивное существо, всецело отдающееся во власть собственных животных иллюзий.

Уничтожение человеческих жизней, как правило, свойственно натурам дефективным, не законченным в своем развитии, которых приводит в исступление совершенство окружающего мира. Совершенство для порочного в своей ненависти к окружающей его гармонии человека — это всегда напоминание о его неполноценности. Все действия окружающих этого человека представляются ему направленными исключительно на него и только для выставления публичного акцента на его неполноценности, порочности, слабом духе или неблагополучном состоянии дел в сфере его здоровья.

И чем больше такой человек страдает от своей неполноценности, чем чаще замечает якобы направленные в его сторону импульсы окружающего мира, тем сильнее появляется у него ненависть к человечеству, и в этот момент он не переживает оттого, что не в состоянии достичь их нравственного уровня — он просто видит в них чужих его социальному минимуму индивидуумов. Двадцать тысяч лет, Невидов, для таких единиц человеческого общества не срок, и единственное, что полностью занимает их сознание в глубине своей и ежесекундные порывы на его поверхности, — это стремление нанести окружающим адекватный ущерб или больший. Для пораженных пороком несовершенства натур высшая из целей, к достижению которой он будет стремиться всю свою бессознательную жизнь, — мщение за свое несовершенство.

Преступления, которые он при этом совершает, при-

нято именовать не имеющими конкретных мотивов. Они не преследуют благоприятной для преступника цели, но сама цель обязательно существует. Эта цель — обеспечение реализации всех принципов существования всецело владеющего преступником порока.

Искоренить этот порок невозможно, и только жестокость крайней степени при подавлении его демонстративных проявлений способна загнать ненависть к окружающему миру в темную пустоту души индивидуума-агрессора. Но она будет существовать там вечно, пока индивидуум сохраняет все признаки живого организма: артериальное давление, пульс, температуру тела.

Высшая степень преступного порока для лиц, склонных к агрессии, — мания, ставшая основным мотивом поведения преступника и приоритетной чертой его личности. Поведение маньяка в окружающем мире — не преступление в том понимании, к которому привыкло окружающее его общество. Маньяк не знает, что совершает преступления, он лишь осознает, что его за его действия накажет мир чужих для него людей и, следовательно, по чужим, неприемлемым для него законам. Поступки маниакально настроенного индивидуума — это обычное, нормальное выражение его сути, его программы существования в этом мире.

В этом плане будет уместным сравнить маньяка с шакалом, пораженным вирусом бешенства. Этот человек-шакал не отдает себе отчета, что делает, не раскладывает свои действия по полочкам общепринятых человеческих ценностей. Он убивает, чтобы убивать. И у него всегда найдется обоснованное объяснение своего поступка, ибо нет более логичного в своем заблуждении существа, нежели маньяк...

— Это что, лекция профессора кафедры клинической психиатрии?

Сусеков снова улыбнулся. В уголках его губ блестела слюна.

— Ты идиот, Невидов. И мне горько только оттого, что ты сумел меня найти. Ты не должен был найти меня. Случилась невероятная ошибка, Невидов... Ты назвал мне одиннадцать городов, в которых были совершены одинаковые по умыслу убийства. Может ли быть такое, чтобы здесь орудовал маньяк? Для чего я читал тебе эту лекцию? Чтобы ты понял — мне гораздо легче оправдывать нож в своей руке, сидя дома... Маньяки не гастролируют по России, Невидов! Маньяк — невероятно расчетливое и экономное существо, подполковник! Гастролируют — воры! Золото и сумки мне нужны были только для того, чтобы ты так и подумал: ему нужны золото и сумки! Но мне нужны были не сумки... — Сусеков встал и схватился за прутья так, что побелели суставы на пальцах. — Зачем мне сумки, Невидов?.. Девочки... Что ты понимаешь в девочках? Когда ее берешь в руки и это тельце поворачивается в любую сторону... А ты когда-нибудь слышал звук, с которым входит в него нож?.. Это чудо, Невидов... Это — небесная симфония... А ты говоришь — маньяки... Какой че-ло-век, разбирающийся в этих звуках, начнет колесить по стране? Это ошибка, что ты меня нашел...

Заметив торопливую пену, забугрившуюся на губах заключенного, подполковник растер лицо и нажал на кнопку.

— У него письмо в руке, — сказал он конвоирам, когда те вошли в кабинет. — Отдайте ему, пожалуйста, когда очнется. И сигареты передайте.

Он вышел из ворот тюрьмы, словно выбравшись из могилы. Зайдя в местный магазинчик, чтобы купить воды, он наткнулся взглядом на уложенную старательной рукой горку пакетов с солью. «Илецкая»...

Он никогда более не брал ее в магазинах.

Глава 1

*Вечер выпускников,
ноябрь 2003 года...*

Он обещал быть сумасшедшим. Два десятка взрослых людей, на двадцать лет жизни разлученных и разбросанных судьбой в противоположные концы света, вглядывались друг в друга, смеялись над огрехами собственной зрительной памяти и были в восторге от того, что память спустя годы снова возвращала их в далекую юность. Они вспоминали себя молодыми в широко раскрытых глазах друзей школьной молодости, и лишь после — тех, в глаза кого вглядывались. Двадцать лет подряд время давало им новое, забирая прожитое. Когда возраст близится к сорока и заботы о том, как подчинить себе жизнь, становятся навязчивыми, это столкновение с прошедшим временем беспечной юности кажется лекарством от всех болезней.

Двадцать человек, девять мужчин и одиннадцать женщин, пришли в свой класс, чтобы снова сесть за парты, из-за которых вышли в далеком восьмидесятом третьем году. Удивительно, но никто из них не забыл, где и с кем сидел. Был один, на год старше всех, но его, смеясь, затолкнули на место остальные. Двадцать пар счастливых глаз по-прежнему смотрят на Надежду Яковлевну и, томя в груди счастливое ожидание, молчат.

— Господи, какие вы все красивые! — восклицает классный руководитель десятого «Б» и качает головой.

Кажется, эта женщина, которая ничуть не постарела за это время, волнуется не меньше своих детей. Эти де-

ти уже почти вдвое старше молоденьких выпускниц педагогических вузов, что с указками в руках приходят в классы. Их жизнь устоялась, она очерчена и замкнута в круг. Дерзость и сила. Вот что отличало эту двадчатку от всех остальных в школе. И сейчас они действительно красивы. В своей усталости от успехов за половину отвоеванной у времени жизни они прекрасны. Несмотря на пережитое горе, разочарования и крах.

— Кем ты сейчас, Боря? — ласково спрашивает Надежда Яковлевна Борьку Самшелова.

Он был хорошим, подающим вступительной комиссии физфака госуниверситета надежды математиком. И сейчас ни у кого нет сомнения в том, что он преподает где-нибудь в Йеле. Добротный костюм из первых европейских портновских рук, пряный аромат потрясного одеклона, ровные ряды фарфоровых зубов. Нет сомнений, заграница. Только она...

— Я, это... — смущается, чего никогда не случалось с ним в школе, Боря, — мосты развожу.

Класс взрывается хохотом. Смешно сказал. На алгебре разрисовывал радикалами и логарифмами всю доску — мела не хватало, а сейчас мосты разводит.

— Какие мосты, Боренька? — шепчет Надежда Яковлевна. — Где?

— Проблемные, — подсказывает Алка Грызунова, и класс снова смеется. Алла частит в Германию, на симпозиумы врачей, и о деятельности Борьки достаточно хорошо осведомлена. До Петербурга, как и до его мостов, далеко, и она очень хорошо понимает смущение огромного, плечистого одноклассника.

— В Берлине, Надежда Яковлевна, — загибает пальцы Борька, — во Франкфурте, Дрездене, Потсдаме... Где просят развести, там и развожу.

Картина проясняется через минуту, и классный руководитель в изумлении качает головой. Ее надежда и

гордость школы членствует в русской фирме за рубежом по работе с дебиторами.

— Ты бандитствуешь, что ли, Боренька? — пытается все-таки найти точный ответ она.

— Нет, — мягко и ласково разубеждает ее он. — Я помогаю людям.

Класс снова смеется. Сейчас им все кажется смешным. Чего только стоит одно сообщение Алки относительно того, что она известный в Европе хирург. По биологии — «три», по химии — «три», по анатомии — «четыре». Последнее, наверное, свою роль и сыграло. И сыграло хорошо, если в прошлом году Ирка Свирская (ныне Домацкая) привезла ей своего сына с поврежденным позвоночником, а через месяц после Алкиной операции тот уже поступал в военное училище.

— Ребятки, сколько же вам сейчас?

— Тридцать семь! — гудит хор, и сквозь него одиноко прорывается: — Тридцать восемь!

И снова хохот. Гера Калинин попал в их 10-й «Б» из 10-го «Б», который выпустился год назад. А сейчас Герაკлий Владиславович — директор компании по производству пластиковых труб.

Школьная любовь... Сколько о ней сказано и сколько написано? И такое впечатление, что эти три пары, возлюбившие друг друга юношеской страстью в восьмом, девятом и десятом классах, сейчас, кажется, взяли за старое. Уже давно было все забыто, но стоило лишь войти сюда и вдохнуть этот воздух... Эх, школьная любовь, ты быстротечна, ошибочна и коварна. Жестока в своей обманчивости и потому так незабываема...

Они снова вместе, снова разговаривают в тот момент, когда уже прозвучал звонок, и у них даже сейчас хватает ума бросаться шапками и дергать девчонок за косички, превратившиеся в дорогостоящие парики и прически.

Бриллианты, золото, дорогой запах, стоящие боль-

ших денег одежды. За окном десяток их машин, в городе десятка три их квартир, в которых живут их, уже взрослые, дети. Хотя вот некоторые сейчас ведут речь даже о том, что дети разбежались. Допрос продолжается, и Мишка Гоппе вещает о том, что если лес покупать в Сибири и продавать его финнам, самостоятельно переправляя через границу, то доходы увеличиваются в три раза по сравнению с тем, как если бы продавать лес финнам, не пересекая рубежей России. Аркаша Сметанин согласен. «То же самое с нефтью, ежели за финнов взять молдаван».

Если судить по внешнему виду, то лучше всех дела обстоят у Кости Крамского. На вечер он явился в превосходном костюме от Понти, без галстука, зато с алмазом в оправе из белого золота на мизинце. У ворот школы никак не могущий окончательно состариться сторож Михеич за двадцатку долларов стережет его «Порше» девяносто четвертого года. На вопросы об источнике заработка Костя отмахивается. Повезло в начале девяностых в Бремене, куда он вагонами гонял составы с одного из советских военных складов. Вагоны были доверху забиты офицерскими и солдатскими шапками, шинелями и сапогами. Офицерская шапка в 90-м у немецких любителей советских фенечек стоила семь марок, солдатская — три. Шинель — двадцать пять, а однажды повезло неопишимо. На киностудии «Дефа» снимался постсоветский боевик, и продюсеры заказали Косте десять тысяч комплектов обмундирования для масовки.

Все сидели и восхищались. Особенно мужики, которые служили. Даже не может прийти в голову, что солдатская «жучка» может стоить три марки!

Но это сейчас Крамской при понятиях, деньгах и здравом рассудке. А раньше, бывало, следил, как кот. То дневник свой нечаянно оставит в лаборатории, из которой крал пробирки и реторты для своих опытов, то

ночью в спортзал проберется да мячи вынесет. А ботинки в ту весну такие у одного него в школе были. С едва читаемой надписью «Саламандер» на подошве. На улице сыро, а в зале тепло. Грязь быстро сохнет. Единственным, кто его тогда вычислил, оказался Невидов.

Пришел во двор, где Костя жил, выбрал его из ватаги пацанов, уже нахмурившихся на появление в их вотчине чужака, отвел в сторону и сказал:

— Успеешь до чемпионата дерьмо свое убрать — никто не узнает. Шанс даю.

Так и осталось заявление директора в РОВД «темняком» лежать. Вора не нашли, но мячи в школу кто-то потом почему-то подбросил. Это вызвало много разговоров, и больше всех такому событию удивлялся, щелкая импортной зажигалкой Крамского, Невидов. И это для всех было не менее удивительно, чем возвращение мячей. Просто так Крамской никогда ничего не дарил, менять у Невидова было не на что, а продавать зажигалку Костя Заграница не стал бы ни при каких обстоятельствах. Это была зажигалка тренера петроградской «Сибири» Гришина, выброшенная на лед во время проигрыша «Иртышу» в сезоне 1982/83 годов.

— Ну, а ты-то, Андрюша, — ласково глядя на невысокого мужчину, спрашивает Надежда Яковлевна, — где сейчас? Наверное, по части животных?

Класс опять смеется. Они сегодня не устанут это делать. Сейчас все кажется удивительным и смешным. Как тогда.

Кто оборачивается, а кто вытягивает шею сзади, чтобы посмотреть на Андрея. Рядом с грозой класса Свиштуновым он выглядит пионером, который пришел в школу со старшим братом. Но он не похож на ребенка, и чего в этом странного? Тридцать семь — это... Это когда волосы слегка подергиваются сединой — ее количество варьируется в зависимости от количества судьбоносных проблем. Когда дерматологи советуют улыбаться

ся реже, чтобы не так отчетливо виднелись морщины, и когда, взяв в руки программу телепередач, ищешь первым делом не комедию, а «Новости».

Андрюшка, Андрюшка... По части животных... Класс смеется, видя смущение Невидова. Взрослый мужик, а все туда же — зверушки. Ну не смешно? А раньше было еще смешнее. То черепаху в класс принесет, то кошку бездомную. Один раз привел собаку, а в десятом классе притащил откуда-то хамелеона, при виде которого Ирка Ерилович упала на литературе в обморок и ударилась лбом о парту. Сейчас Ирка — Беркенштейн. После того как стала Беркенштейн, отправилась на иудейскую землю, и уже дважды, не вынеся палестинских притязаний на независимость, приезжала. Ее визиты на историческую родину находятся в прямой зависимости от приступов, вызванных кризисом среднего возраста у Арафата.

А Андрюшка, он все тот же. Как ходил с перевязанной рукой от укусов собак, так и сейчас ходит. Сидит, держа под пиджаком правую руку на перевязи, смущенно улыбается и, как обычно, стыдливо прячет глаза. Андрей никогда не дрался в школе. Сколько раз его на «махач» ни вызывали, он обязательно сбегал домой. Наутро его, конечно, ловили, били и советовали никогда больше не покидать места ристалищ подобным образом. Спрашивали: «Понял?» — он отвечал: «Понял». Чтобы закрепить, ему говорили: «Сегодня после русского» встречаемся за школой. Есть тема, надо обсудить. Андрюха Невидов знал, что ему предстоит обсуждать с Самшеловым, поэтому после уроков шел не за школу, а домой. А за школу приходил его двоюродный брат, который бил Самшелова, Калинина и всех, кто в тот момент оказывался от него в радиусе ста метров. Назавтра Невидова били Самшелов с подбитым глазом, Калинин с распухшим ухом и говорили, что так поступать с одноклассниками нельзя. Просили в качестве моральной компен-

сации по билету на матч «Сибирь» — «Химик» на каждого, и Андрюшка просил подойти к кассе за десять минут до начала матча. Самшелов с Калининым подходили, их встречал Гоша Маленький, друг Невидова и коллекционер пауков, и на вырученные после этой встречи с Самшеловым и Калининым деньги он и Андрейка шли в клуб им. Станиславского на просмотр ленты «Поговорим, брат».

Так, в хитрости и постоянных изобретениях, крепчал и мужал Невидов. Потом Самшелов и Калинин от него отвязались (повзрослели) и даже защищали (Андрейка никогда не отказывал, если просили списать). К выпуску они даже стали друзьями, и однажды, когда на Самшелова и Калинина наехали пацаны со Степной, они пришли к Андрейке за помощью. Низкорослый и худой, Невидов одноклассников выслушал, заверил, что те обратились по адресу, и когда «степные» пришли на разборку, он явился вместо них. Обалдевшая от такого оборота братва, разглядывая явившуюся на процесс сторону, поинтересовалась, когда придут взрослые, но когда Андрейка сообщил, что Гоша Маленький с минуты на минуту будет, разошлась.

После школы Невидова видели лишь пару раз. И теперь, глядя на его увечную руку, никто из класса не сомневался, что его цапнул бродячий пес или клюнул в зоопарке страус. Почесав пальцем лоб, Андрей, не убирая с лица улыбку, ответил:

— Отчасти вы правы, Надежда Яковлевна. Отчасти. Днем дома с детишками играет британский кот, а вечерами из аквариума выползает ужик. А работаю я...

Взрыв хохота заглушил его последние слова.

— Что ты еще сказал? — трясаясь от смеха, прищурилась классный руководитель.

— Я сказал, что работаю в милиции.

Тишина наступила так же быстро, как секунду назад разорвалась.

— В милиции?!

Даже Самшелов, удивить которого было невозможно уже ничем, отвалился на бок и потрясенным взглядом стал рассматривать бывшего однокашника.

— Где?! — Слово «милиция», по всей видимости, вызывало у него изжогу.

— Там, там... — пряча улыбку, тихо подтвердил Андрей.

— И... Чем ты занимаешься? — с сомнением окидывая ничуть не изменившуюся со школы фигурку Невидова, справилась Алка.

— Да так... Бумажки перекладываю.

Все успокоилось. Картина всем сразу стала ясна. Люди вокруг взрослые, а взрослые люди хорошо должны понимать, зачем щуплые, все детство битые молодые люди идут работать в милицию. Власть бить и унижать рискованно. Даже глупо. Чего в детстве Андрейке не хватало, так это милицейского удостоверения. Многие молодые люди, потеряв достоинство, идут сейчас именно туда, где им выдадут форму, пистолет и документ, удостоверяющий право этот пистолет носить и из него стрелять. И с этого момента вряд ли кто на улице решится отнять у них мелочь или грубо ответить. Глупо, как уже было сказано.

Интерес к Андрейке пропал, все переключились на рассказ Самшелова о том, как он, зайдя в гости к должнику в Потсдаме, возвращал дрезденскому банку два миллиона евро. Слушать было интересно. Борька повествовал так, словно рассказывал анекдот длиною в милю. А Невидова никто больше не замечал — сработала одна из школьных привычек, которые присутствовавшие обрели сразу, едва войдя в этот пропахший детством класс. Невидова не замечал никто двадцать лет назад, и за это время он мало изменился. Разве что поседел, да взгляд его стал потяжелее.

И потом Калинин рассказывал, как один из новых

русских заказал ему три километра пластиковых водопроводных труб. Нувориш при строительстве особняка на Рублевском шоссе решил проявить инициативу, взял в руки калькулятор, вычислил площадь дома, сверился со справочником по геометрии, заглянул в учебник алгебры за седьмой класс, произвел подсчеты и понял, что на каждый из трех этажей ему понадобится не менее километра труб.

Все смеялись, Невидов смеялся вместе со всеми, а Аркаша Гоппе позвонил куда-то по мобильному телефону и велел привезти в школу три ящика шампанского.

— Это не ты трубы заказывал? — тихо спросил Невидов.

Все посмеялись, но недолго. Привычки веселиться от шуток Андрейки не было тогда, и никто не находил повода для особого веселья сейчас. Смешно от них было только первое время. Потом выяснялось, что это не шутка. Школьные привычки, они как оспины на лице. Раз появились — их потом ничем не сотрешь.

Потом было шампанское и торты, цветы Надежды Яковлевны уже складывали на пол — столов для них не хватало. Помянули Колю Струганова, погибшего в Афгане, Витю Смолякова, музыканта, умершего от передозы, вспомнили всех, кто не смог приехать.

И тут появился он. Молодой человек в идеально подобранном костюме. Идеально подобранном, потому что одноклассницы, сидевшие в классе, никогда не видели, чтобы серый костюм так гармонировал с пронзительно-голубыми глазами, белоснежной рубашкой и галстуком умеренно-синего цвета. Он заглянул, как заглядывают в дверь люди, точно знающие, что помешают. Уверенные, что их не ждут сейчас и вряд ли кто-то это мнение изменит, сознайся он, зачем пришел.

На секунду притихнув и по достоинству оценив одежды, виднеющиеся из-под отворотов длинного пальто молодого незнакомца, возрастной класс, смеясь, обра-

тил взоры к Надежде Яковлевне. Не было и тени сомнения, что она единственная, которая знает, кто это такой. Но взгляд учителя пустовал. Тогда молодой человек заглянул в глубь класса и, заметив за последней партой нужного ему человека, тихо позвал:

— Товарищ подполковник, на секундочку можно?

Узнав нарядно наряженного парня как своего, Невидов виновато помахал однокашникам рукой: «Ребята, не обращайтесь внимания», засеменял вдоль прохода и выскочил за дверь. Дверь он притворил плотно, но она, как и двадцать лет назад, предательски для вышедшего учителя и на радость ученикам, бесшумно отворилась, явив проход шириной в полметра. Класс затих: Невидов со своими бумажками и милицейской статистикой всем был неинтересен. Всех, в особенности женщин, волновал вопрос, кем работает импозантного вида модельный парень и что его может связывать по работе с таким человеком, как их Андрейка Невидов.

— Андрей Филиппович, — послышалось из-за двери, — он передал ключи.

— Тебе следователь прокуратуры звонил? Он закончил с ним все мероприятия?

— Да, все в порядке. Липкин просил об одной вещи, если вы помните. Выслать ему справку о возбуждении уголовного дела, чтобы расторгнуть договор страхования.

— Я помню, — тихо произнес Невидов. — Ты в квартире еще не был?

— Зачем? Завтра заберем. А вас подождем.

— Я могу не скоро освободиться, — предупредил Невидов.

— А мы никуда и не спешим. Веселье вокруг, музыки, шампанское... Нет, зачем оно нам, шампанское? Я вот, к примеру, шампанское вообще не пью.

Молчание затянулось, и последнее, что донеслось до слуха одноклассников шуплого Невидова, было:

— Черт бы побрал... Черт бы всех побрал. Три года. Почти три года... Неужели скоро все закончится? Как думаешь?

— Думаю, закончится. Нужно лишь завтра на работу ехать через пятидесятый дом улицы Лейтенанта Шмидта. Забрать пиджак и отослать в Италию.

— Я вот еще что скажу...

И дверь снова прихлопнулась. Только теперь не отворилась. Ее держали.

Надежда Яковлевна и ее класс сидели, лицезрели друг друга и не могли взять в толк, что происходит. Ясно было одно — Невидова вызвал в коридор подчиненный, чтобы сообщить ему, Невидову, о его, Невидова, удаче. Что сейчас произошло.

— Вот тебе и бумажки, — отметил Калинин.

— Интересно было бы посмотреть в них, — добавила, похлопав ресницами, Алка. — Если так закончилась история, тогда как она должна была развиваться? Олег, закажи-ка своим троллям еще шампанского. Я теперь скорее умру, нежели уйду отсюда, не выслушав Андрейку. Пиджак, прокуратура, Италия... Жуть как интересно.

— Теперь, я боюсь, ребята, — заметила Надежда Яковлевна, — это уже не Андрейка. Я выпью под его рассказ полбокала, если он позволит вам убедить себя рассказать об этом пиджаке из Италии хотя бы чуть-чуть...

Когда Невидов вошел в класс, его встретила тишина, которую нарушал лишь Гоппе. Он тихо бормотал в трубку указания о том, что следующее шампанское должно быть не французское, а «Советское», о чем он говорил и раньше.

— Андрей, не уходи, — попросила Алка.

— Я и не собирался, — удивился Невидов.

— Но мы слышали... У тебя сейчас должна быть какая-то работа, значит — не до праздника. Но мы просим — не уходи.

До Андрея только сейчас стал доходить истинный смысл этих слов, и он, остановившись на полпути к парте, окинул взглядом класс.

— Расскажи нам, Андрей, — попросила Надежда Яковлевна, — о том человеке и его пиджаке из Италии.

— Тайна следствия... — обреченно вздохнул понимающий в этом толк Самшелов.

Невидов прошел, сел на свое место и стал трепать непривычный для него — это было очевидно — галстук.

— Тайны больше нет, — спокойно сказал он. — Хотя для того, чтобы завладеть ею, мне понадобилось два года и семь месяцев.

Встав со своего стула, на сиденье которого был послан обрывок овечьей шкуры — в ноябре нынче крепкие морозы, а у нее радикулит, — Надежда Яковлевна дошла до двери и замкнула ее на замок. Мгновенно исчезли шумы, доносящиеся из других, отмечающих праздник, классов. Сегодня на годовщину школы пришли очень многие. Юбилей все-таки, семьдесят пять.

А в этом классе сейчас тихо. Самому неприметному и невзрачному ученику сегодня на уроке есть что рассказать. Расскажет ли правду? Или опять надумает? Андрейка Невидов, Андрейка Невидов...

Сколько в этой школе ты уже обвел вокруг пальца? В этом, например, классе нет ни одного, тобой не помеченного. Но почему им хочется верить тебе именно сейчас?

Словно переживая недавний разговор, он некоторое время сидит молча и теребит бинт. Повязка свежая, ей не больше дня. Как не похож он сейчас на самого себя двадцать лет назад... Теперь, когда удастся остановить на нем взгляд более чем на мгновение, одноклассникам становятся удивительны перемены, произошедшие с ним. Изменились все, но он изменился по-особому. Мудрее всех, что ли?

— Эта история началась четырнадцатого апреля две тысячи первого года. Каждый день...

Глава 2

— ...С этого часа я помню, будто он закончился лишь вчера. Я работал в городском УВД в должности, в которой нахожусь и сейчас. Начальника уголовного розыска города. Четырнадцатого апреля в дежурную часть ГУВД пришла женщина и сказала, что волнуется за мужчину, которому три дня назад, аккурат за день до Дня космонавтики, сдала комнату внаем. Дежурный, поразмыслив, не придумал ничего лучшего, как проводить ее ко мне.

Она вошла, и мне сразу показалась женщиной, шепетильно относящейся не только к своей манере поведения, но и к человеческим поступкам других людей. На ней была самовязаная кофта — замечательной, кстати, работы, поверх нее — расстегнутая, аккуратно выглаженная куртка из плащевого материала и голубые, без единой морщинки джинсы.

— Вы старший? — спросила она, окинув пространство моего кабинета взглядом.

— Смотря в чем, — ответил я. — А что вас, собственно, интересует?

Когда она присела на стул рядом со мной, мне вдруг пришло в голову, что я растерян, раз позабыл предложить даме присесть. Был конец рабочего дня, однако такая забывчивость вряд ли могла оправдать мою неучтивость.

Лет ей было около сорока, волосы окрашены в пронзительно-черный цвет, ногти на руках ухожены, кожа гладка, и, когда она, знакомясь, протянула мне руку, я понял, что еще и упруга. В общем, это была женщина из числа тех, что привыкли ухаживать за собой и требовать от окружающих проявления тех же качеств.

— Вот, посмотрите, — она вынула из сумочки книжицу в сафьяновом переплете. — Среда, одиннадцатое (она подчеркнула ногтем какую-то запись) апреля. В во-

семнадцать часов он завозит вещи. Вещей, к слову сказать, было немного. Одна большая сумка да пакет с провизией. Провизия, как я догадываюсь, была уничтожена в ту же ночь на новоселье, осталась сумка. Пока все ясно?

— Пока все, — отвечал я, прекрасно понимая, что времени расспросить у меня будет предостаточно.

— Идем дальше (она перевернула листок). Четверг, двенадцатое. В девять сорок он просит меня присмотреть какую-нибудь смышленную девушку для работы у него машинисткой. Так в десять часов я узнала, что он живет написанием романов и не состоит на государственной службе. Понимая, что выполнение подобной просьбы возложит на меня определенного рода обязательства перед молодой женщиной, я высказала ему вслух условия, при которых его желание может быть исполнено. Никаких домогательств — ставила я условия, никаких разгульных вечеров в мое отсутствие и регулярная плата девушке содержания за работу.

Обращаясь ко мне, она положила мне ладонь на руку, чем смутила и внушила еще большее доверие. Нам по долгу службы очень часто женщины кладут ладони на руки, полагая, что этим исчерпывается необходимость доказательства своей невиновности, и почти всегда ошибаются. Но это прикосновение заставило меня всмотреться в ее глаза и отмахнуть первую пришедшую в мою голову мысль о сумасшествии гостьи.

— Представьте, он подумал! — воскликнула она. — Не согласился сразу, а подумал. А после ответил «да», и больше к этому разговору мы никогда не возвращались. Возможно, по той причине, что это был последний раз, когда я его видела.

Итак, девушка должна была приходиться к нему в двенадцать часов дня, заваривать кофе, а в половине первого уже сидеть за печатной машинкой и исполнять диктант того, что он написал за ночь. В этом месяце я взяла

много уроков, — сказала она, — я преподаю детям французский в двух обеспеченных семьях. Вчера, тринадцатого, весь день я провела на занятиях. Вечером убралась у себя в квартире — я живу в центре, а та квартира, в которой я сдаю комнату писателю, досталась мне после смерти дочери. Так иногда бывает.

Она пригладила выбившуюся из прически прядь и вполне серьезно и грустно заметила:

— Я иногда думаю, что страшнее — война или мир. Не сочтите меня за аморальную личность, но я на самом деле не могу понять, что ужаснее: на войне родители видят смерть детей, а в ее отсутствие дети становятся свидетелями смерти родителей. Так вот, сегодня, в половине четвертого дня, то есть ровно два часа назад, мне позвонила девушка, подрядившаяся на работу к писателю, и с тревогой в голосе сообщила, что молодой человек уже второй день подряд не отвечает ни на звонки по телефону, ни на стук в дверь. Я, что естественно, приехала, потому как терпеть непорядка не могу с тех самых пор, когда стала себя осознавать. Если мне говорят: нужна комната, я ее предоставляю. Говорят: нужна секретарь — я в состоянии обеспечить заработком и работой девушку и исполнить просьбу того, кто ее запрашивал. Я приехала в квартиру, где, помимо писателя, я сдаю две комнаты молодой семье...

Посетительница наконец-то превратилась из коммандантши в женщину и, увидев во мне, по всей видимости, подругу, шепнула:

— Знаете, мне кажется, что в этой молодой семье не все ладно. Она беременна, а он ведет себя не совсем так, как положено себя вести тому, кто стал первопричиной этой беременности.

И тут же произошло обратное преобразование:

— Но это не мое дело. Мое дело — регулярно получать за комнаты оплату. Так вот, когда мы с девушкой вошли в квартиру и постучали, нам ответила тишина.

— То есть, — уточнил я, — никто не ответил.

— Вот именно. У меня был с собой ключ от комнаты, но войти в чужую комнату, даже в присутствии свидетелей, для меня невозможно. Пока мы с Ариной думали, как поступить, из другой комнаты вышел мой старый арендатор и сказал буквально следующее:

— И не пытайтесь. Видите, у порога его ботинки стоят? Они так стоят с одиннадцатого числа. Из комнаты он никуда не выходил. Единственное, что я слышал вечером одиннадцатого апреля, — это был приход к нему в гости молодого человека в кожаной куртке.

Я прервал рассказчицу жестом и спросил:

— Он так и говорил: «одиннадцатого апреля», «слышал, как приходил молодой человек»? Уточняю, потому что в бытовой речи месяц, как правило, не называют, а человека, вернее то, что он молодой и в кожаной куртке, можно не услышать, а исключительно увидеть.

— Передаю вам бук-валь-но, — она нависла надо мной, и я невольно отстранился. — Я про-ци-ти-ро-вала. Итак, поскольку человек исчез, я пришла к вам и теперь желала бы получить соответствующую заявлению помощь.

Я испросил разрешения закурить, она не возражала, и я отошел к окну. Надо сказать, что к нам за соответствующей заявлением помощью обращаются часто и не совсем по адресу. И теперь я взял короткий таймаут, задумался, как этой педантичной женщине деликатнее объяснить, что, помимо беспочвенных подозрений, у милиции есть еще очень много более реальных стимулов к работе.

— А вы не думали, что молодой человек, ваш писатель...

— Третий день пьет горькую и не выходит в туалет?

— Нет, — я покачал головой. — То, что он вышел из квартиры и сейчас находится, например, в больнице?